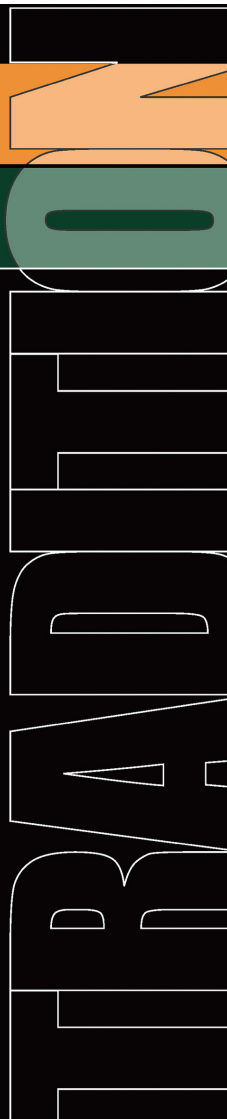

**АВСТРИЙСКАЯ
ШКОЛА**

21
выпуск

Хесус УЭРТА ДЕ СОТО

**АВСТРИЙСКАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ШКОЛА**

Хесус Уэрта де Сото
Австрийская экономическая
школа. Рынок и
предпринимательское
творчество
Серия «Австрийская школа», книга 21

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3951595

Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество / Хесус Уэрта де Сото ; пер. с англ. Б. С. Пинскера под ред.

А. В. Куряева.: Социум; Челябинск; 2009

ISBN 978-5-91603-647-3

Аннотация

В книге представлена краткая история развития идей австрийской школы экономической теории с момента ее зарождения во второй половине XIX в. и до настоящего времени. Автор анализирует вклад основных представителей школы, оказавших определяющее влияние на формирование этого направления экономической мысли: К. Менгера, О. Бём-Баверка, Л. фон Мизеса, Ф. Хайека, а также ключевых фигур

недавнего «австрийского» возрождения: И. Кирцнера и М. Ротбарда.

Особое внимание уделено основным отличиям австрийской школы от доминирующего математизированного направления в экономической науке – неоклассической школы в таких областях, как теория капитала; равновесие, рыночный процесс и предпринимательство; теории денег, кредита и экономических циклов.

Содержание

Введение	6
Глава 1 Основные принципы австрийской школы	9
1.1. Австрийская теория деятельности против неоклассической теории принятия решений	14
1.2. Австрийский субъективизм против неоклассического объективизма	17
1.3. Австрийский предприниматель против неоклассического Homo Economicus	19
1.4. Возможность чисто предпринимательской ошибки (австрийская школа) против апостериорного обоснования всех решений (неоклассическая школа)	21
1.5. Субъективная информация (австрийская школа) против объективной информации (неоклассическая школа)	23
1.6. Предпринимательский процесс согласования (австрийская школа) против моделей общего и/или частичного равновесия (неоклассическая школа)	25
1.7. Субъективные издержки (австрийцы) против объективных издержек (неоклассики)	31
1.8. Вербальные формулировки австрийцев против математических формулировок	33

неоклассиков	
1.9. Связь между теорией и эмпирическим миром: иная концепция «предсказания»	36
1.10. Заключение	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Хесус Уэрта де Сото Австрийская экономическая школа. Рынок и предпринимательское творчество

Введение

В этой книге мы дадим достаточно детальный очерк основных идей австрийской школы в экономической теории, а также ее характерных особенностей, в наибольшей степени отличающих ее от течения, столь долго господствующего в экономической науке. Кроме того, мы проанализируем развитие австрийской экономической мысли от истоков до настоящего момента и подчеркнем то, каким образом достижения этой школы могут обогатить будущее развитие экономической науки.

Учитывая, что большинство людей незнакомы с основными принципами австрийской школы, в главе 1 мы объясним

базовые принципы динамической австрийской концепции рынка и отметим основные различия между австрийским подходом и неоклассической парадигмой, которую, невзирая на все ее недостатки, до сих пор изучают в большинстве университетов по всему миру. В главе 2 мы ознакомимся с ролью предпринимательства как координирующего фактора, действием которого представители австрийской школы объясняют как возникновение стихийного порядка рынка, так и существование экономических закономерностей (laws of tendency), составляющих предмет исследования экономической науки. В главе 3 мы начинаем изучение истории австрийской экономической мысли с официального основателя школы, Карла Менгера, интеллектуальные корни которого уходят к замечательным теоретикам Саламанкской школы периода испанского золотого века. Глава 4 посвящена исключительно фигуре Ойгена Бём-Баверка и анализу его теории капитала, в которой остро нуждаются предлагаемые в университетах курсы экономической теории. В главах 5 и 6 мы обсудим соответственно вклад двух самых значительных австрийских экономистов XX века – Людвига фон Мизеса и Фридриха Августа фон Хайека. Знакомство с их достижениями имеет принципиальное значение для понимания того, как развивалась австрийская школа экономической теории и что она представляет собой на сегодняшний день. Наконец, глава 7 посвящена возрождению австрийской школы, которое было подготовлено кризисом господствующего тео-

ретического течения и усилиями большой группы молодых исследователей из ряда европейских и американских университетов. В заключении книги мы рассмотрим исследовательскую программу современной австрийской школы и ее возможный вклад в будущее развитие экономической науки. Мы также ответим на самые распространенные критические возражения против австрийского подхода, большая часть которых объясняется элементарным незнанием или непониманием.

Необходимо подчеркнуть, что мы не располагали возможностью представить здесь полный и детальный обзор всех характерных черт австрийской школы. Поэтому мы решили дать ясное общее представление об основных ее достижениях. Таким образом, данную работу следует рассматривать как краткий предварительный обзор для тех, кто интересуется австрийской школой, а читатели, которые захотят подробнее ознакомиться с какими-то вопросами, могут воспользоваться избранной библиографией в конце книги. Для краткости мы опустили многочисленные ссылки на литературу, которые сделали бы изложение более детальным и доказательным. Нашей главной целью было представить принципы и систему взглядов австрийской школы так, чтобы они могли заинтересовать незнакомого с ней читателя и вооружить его некоторыми знаниями для более глубокого изучения этого подхода, который, можно быть уверенным, покажется ему новым и увлекательным.

Глава 1 Основные принципы австрийской школы

Одним из главных недостатков учебных программ, предлагаемых кафедрами экономической теории по всему миру, является то, что студенты не получают целостной картины основных теоретических достижений современной австрийской школы экономической теории. В первой главе мы попытаемся восполнить этот существенный пробел, дать обзор фундаментальных отличительных черт австрийской школы и тем самым пролить свет на историческое развитие австрийской мысли, чему посвящены следующие главы. В таблице 1.1 представлен краткий перечень ключевых различий между австрийской школой и господствующей (неоклассической) парадигмой, которую, как правило, преподают в испанских университетах. Это даст возможность одним взглядом охватить основные несовпадения двух подходов, которые затем будут рассмотрены подробнее.

Таблица 1.1

Основные различия между австрийской и неоклассической школами

Сравниваемые характеристики	Австрийская парадигма	Неоклассическая парадигма
1. Концепция экономической теории (основной принцип)	Теория человеческой деятельности, понимаемой как динамический процесс (праксиология)	Теория <i>принятия решения</i> : максимизация с учетом ограничений (узкая концепция рациональности)
2. Методологический подход	Субъективизм	Шаблонный <i>методологический индивидуализм</i> (объективизм)

3. Главное действующее лицо общественных процессов	Творческий <i>предприниматель</i>	Номо Economicus
4. Априорная возможность того, что действующие лица могут ошибиться, и природа предпринимательской прибыли	Действующие лица могут совершать чисто предпринимательские ошибки, которых можно было бы избежать, проявляя большую бдительность при выявлении прибыльных возможностей	Вызывающие сожаление ошибки даже не рассматриваются как таковые, потому что все прошлые решения обоснованы соображениями издержек и выгод. Предпринимательская прибыль рассматривается как рента, приносимая фактором производства
5. Концепция информации	Знание и информация <i>субъективны, рассеяны и постоянно изменяются</i> (творческий вклад предпринимателей). Проводится радикальное различие между научным знанием (объективным) и практическим знанием (субъективным)	Предполагается, что информация о целях и средствах полна, объективна и неизменна (имеет достоверный или вероятностный характер). Практическое (предпринимательское) знание не отграничивается от научного
6. Базисный пункт	Общий процесс, тяготеющий к согласованности. Не проводится различий между микро- и макроэкономикой: любая экономическая проблема изучается в связи с другими	Модель <i>равновесия</i> (общего или частичного). Разграничение между микро- и макроэкономикой
7. Концепция конкуренции	Процесс соперничества между предпринимателями	Состояние или модель «совершенной конкуренции»

8. Концепция издержек	<i>Субъективны</i> (зависят от предпринимательской бдительности и, как следствие, от обнаружения новых, альтернативных целей)	Объективны и неизменны (так что могут быть известны третьей стороне и измерены ею)
9. Форма представления	<i>Словесная</i> (абстрактная и формальная) логика, учитывающая субъективное время и человеческое творчество	<i>Математизированное</i> описание (язык символов, обычно используемый при анализе вневременных и неизменных явлений)
10. Отношения с эмпирическим миром	<i>Априорно-дедуктивные рассуждения:</i> радикальное разделение и одновременная согласованность теории (науки) и истории (искусства). История не может служить подтверждением теорий	<i>Эмпирическое</i> подтверждение гипотез (по крайней мере на риторическом уровне)
11. Возможности конкретного предсказания	Невозможно, потому что будущие события зависят от предпринимательского знания, которое еще не создано. Возможны только качественные, теоретические структурные предсказания нарушений согласованности в результате государственного вмешательства в экономику	Предсказание является сознательно преследуемой целью
12. На ком лежит ответственность за предсказания	На предпринимателе	На экономическом аналитике (социальном инженеру)

13. Текущее состояние парадигмы	Поразительное <i>возрождение</i> в последние 25 лет (в том числе в связи с кризисом кейнсианства и крахом реального социализма)	Состояние <i>кризиса</i> и быстрых <i>изменений</i>
14. Величина вложенного «человеческого капитала»	<i>Меньшинство</i> , хотя и растущее	<i>Большинство</i> , хотя есть признаки разложения и распада
15. Тип вложенного «человеческого капитала»	Междисциплинарные теории и философы. Радикальные либертарианцы	Специалисты по государственному вмешательству в экономику (постепенная <i>социальная инженерия</i>). Крайне большой разброс по степени приверженности свободе
16. Новейшие достижения	Критический анализ институционализированного принуждения (социализма и интервенционизма) Теория свободного банковского дела и экономических циклов Эволюционная теория институтов (права, морали) Теория предпринимательства Критический анализ «социальной справедливости»	Теория общественного выбора Экономический анализ семьи Экономический анализ права Неоклассическая макроэкономическая теория Экономическая теория информации Неокейнсианство
17. Порядок влияния представителей	Ротбард, Мизес, Хайек, Киршнер	Коуз, Фридмен, Бекер, Самуэльсон, Стиглиц

1.1. Австрийская теория деятельности против неоклассической теории принятия решений

Представители австрийской школы рассматривают экономическую науку как теорию деятельности, а не как теорию принятия решений, и это одна из черт, которыми они сильнее всего отличаются от своих коллег-неоклассиков. Концепция человеческой деятельности намного шире концепции индивидуального решения и включает ее. Принципиально важная для австрийской школы, концепция деятельности включает не только гипотетический процесс принятия решений в контексте «данных» знаний о целях и средствах, но также, и в особенности, «само представление о системе координат, связывающей средства и цели, в рамках которой происходит размещение ресурсов и экономически рациональная деятельность [являющиеся предметом исключительного внимания неоклассиков]» (Kirzner 1973, 33; Кирцнер 2007, 35). Более того, австрийцев интересует не сам факт принятия решения, а то, что оно воплощено в человеческой деятельности, которая представляет собой *процесс* (завершенный или незавершенный), включающий ряд взаимодействий и актов координации (согласования). С точки зрения пред-

ставителей австрийской школы, именно это является предметом экономических исследований. Таким образом, для австрийцев экономическая наука – это не набор теорий выбора или принятия решений, но *интегрированный* теоретический корпус, описывающий процессы социального взаимодействия, процессы, отличающиеся степенью координации, которая зависит от бдительности, проявляемой действующими субъектами в своей предпринимательской деятельности.

Мишенью особой критики австрийцев стала узкая концепция экономической теории, восходящая к Лайонелу Роббинсу и его широко известному определению предмета этой науки. Как писал Роббинс, «экономическая теория – это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между данными целями и редкими средствами, которые могут иметь различное употребление» (Robbins 1932; см.: Роббинс 1993, 18). Концепция Роббинса молчаливо предполагает фиксированное знание целей и средств и сводит проблему экономики к технической проблеме размещения ресурсов, максимизации или оптимизации в условиях определенных ограничений, которые также предполагаются известными. Иными словами, предложенная Роббинсом концепция экономической теории отражает самую суть неоклассической парадигмы и может считаться абсолютно чужеродной для методологии австрийской школы в ее сегодняшнем понимании. В самом деле, в изображении Роббинса человек предстает автоматом, простой карикатурой на

человеческое существо, всего лишь пассивно реагирующим на любые события. В отличие от этого Мизес, Кирцнер и другие авторы австрийской школы придерживаются мнения, согласно которому человек не столько распределяет имеющиеся средства между наличными целями, сколько находится в неустанном поиске новых целей и средств – усваивая опыт прошлого и напрягая воображение для открытия и созидания будущего (посредством деятельности). Поэтому для австрийцев экономическая теория составляет часть намного более широкой и общей науки, общей теории человеческой деятельности (а не человеческих решений или выбора). Согласно Хайеку, если для этой общей науки о человеческой деятельности «название необходимо, то самым подходящим представляется термин “праксиологические” науки... широко применяемый четко его определившим Л. фон Мизесом» (Найек 1955, 209; Хайек 2003, 44).

1.2. Австрийский субъективизм против неоклассического объективизма

Другим ключевым вопросом для австрийцев является *субъективизм*. Поскольку для австрийской школы субъективистский подход имеет первостепенное значение, все ее экономические построения основаны на действиях реальных людей, из плоти и крови, которые рассматриваются как творцы и главные действующие лица всех общественных процессов. Поэтому Мизес утверждает: «Экономическая теория – это не наука о предметах и осязаемых материальных объектах; это наука о людях, их намерениях и действиях. Блага, товары, богатство и все остальные понятия поведения не являются элементами природы; они – элементы человеческих намерений и поведения. Тому, кто хочет заняться их изучением, не нужно смотреть на внешний мир; он должен искать их в намерениях действующих людей» (Mises 1996, 89; Мизес 2005, 89). Таким образом, очевидно, что, в отличие от большинства неоклассиков, австрийцы полагают: за экономическими ограничениями стоят не объективные явления или материальные факторы внешнего мира (скажем, величина нефтяных запасов), а знания предпринимателей (открытие карбюратора, способного вдвое увеличить коэффи-

циент полезного действия двигателя внутреннего сгорания, *будет иметь такой же экономический эффект* , что и удвоение разведанных запасов нефти). Вот почему австрийцы рассматривают производство не как нечто внешнее, природное и материальное, а, напротив, как явление интеллектуальное и духовное (Мизес 2005, 134).

1.3. Австрийский предприниматель против неоклассического *Homo Economicus*

В рамках австрийской экономической теории движущей силой является предпринимательство (которому посвящена большая часть следующей главы), – концепция, демонстративно отсутствующая в неоклассической теории. Предпринимательство – это характерная особенность реального мира, вечно пребывающего в состоянии неравновесия, а потому не может играть какой-либо роли в моделях равновесия, занимающих внимание неоклассических авторов. Более того, неоклассические теоретики рассматривают предпринимательство как рядовой фактор производства, размещение которого определяется ожидаемыми выгодами и издержками. Они не осознают того, что при таком подходе к анализу предпринимательства возникает неразрешимое логическое противоречие: спрос на предпринимательские ресурсы, основанный на ожидаемых издержках и выгодах, предполагает веру в то, что можно сегодня получить некую информацию (о возможной величине будущих издержек и выгод) *еще до того, как эта информация будет создана* предпринимательскими усилиями. Иными словами, главная, как мы увидим, задача предпринимателя заключается в создании и от-

крытии новой информации, прежде не существовавшей, и пока процесс создания не будет завершен, этой информации не существует и она не может быть никому известна, а потому не в силах человеческих заранее принимать неоклассические решения о размещении ресурсов в соответствии с ожидаемыми издержками и выгодами.

Кроме того, сегодня австрийские экономисты почти единодушно считают ошибочным представление, согласно которому источником предпринимательской прибыли является простое принятие риска. Напротив, риск входит в состав издержек производственного процесса и не имеет никакого отношения к чисто предпринимательской прибыли, которая возникает, когда предприниматель открывает неизвестную ему прежде возможность получения прибыли и действует так, чтобы с выгодой ею воспользоваться (Мизес 2005).

1.4. Возможность чисто предпринимательской ошибки (австрийская школа) против апостериорного обоснования всех решений (неоклассическая школа)

Особая роль концепции *ошибки* в австрийской экономической теории по сравнению с неоклассической обычно оставляется без внимания. Для австрийцев «чистая» предпринимательская ошибка совершается тогда, когда на рынке остаются необнаруженные предпринимателями возможности получить прибыль. Именно существование такого типа ошибки лежит в основе «чистой предпринимательской прибыли», извлекаемой тем, кто ее обнаруживает и устраняет. Для неоклассических авторов, напротив, подлинно предпринимательских ошибок, о которых впоследствии приходится сожалеть, просто не существует. Причина в том, что неоклассики обосновывают все прошлые решения в терминах гипотетического анализа затрат и результатов, осуществляемого в рамках математической модели максимизации с учетом ограничений. Поэтому в неоклассическом мире нет места для чисто предпринимательской прибыли, а когда ее все-таки упоминают, то подразумевают просто плату за услу-

ги рядовых факторов производства или доход, вознаграждающий за принятие риска.

1.5. Субъективная информация (австрийская школа) против объективной информации (неоклассическая школа)

Предприниматели постоянно порождают новую информацию, которая по природе своей субъективна, рассеяна, имеет практический характер и с трудом поддается артикулированию (Huerta de Soto 1992, 52–67, 104–110). Поэтому субъективное восприятие информации является существенным элементом методологии австрийской школы, отсутствующим в неоклассической теории, где информация трактуется как исключительно объективная. Большинство экономистов не осознают, что, говоря об *информации*, австрийцы и неоклассики имеют в виду принципиально разные вещи. С точки зрения неоклассиков, информация – это нечто объективное, своего рода товар, который продают и покупают на рынке в соответствии с решениями о максимизации. Эта «информация», которую можно хранить на различных носителях, не имеет ничего общего с *субъективной информацией*, о которой пишут австрийцы: с практической и жизненно необходимой информацией, которую действующее лицо субъективно истолковывает, знает и использует в контексте конкретного действия. Экономисты австрийской школы

критикуют Стиглица и других авторов неоклассической теории информации за неспособность интегрировать свою теорию информации с предпринимательством, которое и является источником и движущей силой знания. Как мы увидим далее, экономисты австрийской школы с этой задачей справились. Более того, с точки зрения австрийцев, Стиглиц не сумел понять, что *информация* по сути своей всегда субъективна и рынки, которые он считает «несовершенными», не столько порождают «неэффективность» (в неоклассическом смысле), сколько предоставляют потенциальные возможности для извлечения предпринимательской прибыли, возможности, которые предприниматели обнаруживают и используют в непрерывном процессе координации предпринимательских усилий на рынке (Thomsen 1992).

1.6. Предпринимательский процесс согласования (австрийская школа) против моделей общего и/или частичного равновесия (неоклассическая школа)

В своих моделях равновесия неоклассические экономисты обычно игнорируют силы координации, которые австрийцы связывают с предпринимательством. На деле предпринимательство не только подталкивает к созданию и передаче информации, но, что еще важнее, способствует *координации* несогласованного поведения, встречающегося в обществе. Как мы увидим в следующей главе, вся существующая в обществе рассогласованность материализуется как возможность прибыли, остающаяся скрытой до тех пор, пока ее не откроют предприниматели. Как только предприниматель осознаёт эту возможность и использует к своей выгоде, возможность исчезает и запускается *стихийный процесс координации*. Этот процесс объясняет тенденцию к равновесию, свойственную всякой подлинно рыночной экономике. Более того, именно координирующая природа предпринимательства и делает возможной экономическую теорию как науку, понимаемую как теоретический *корпус* законов коорди-

нации, проливающих свет на общественные процессы.

Этот подход объясняет интерес экономистов австрийской школы к исследованию концепции *динамической* конкуренции (процесса *соперничества*), тогда как неоклассических экономистов занимают исключительно модели равновесия, характерные для сравнительной *статики* («совершенная» конкуренция, монополия, «несовершенная», или монополистическая, конкуренция). Поэтому, с точки зрения австрийцев, абсурдно строить экономическую науку на модели равновесия, изначально предполагающей, что вся информация, необходимая для получения соответствующих функций спроса и предложения, «дана». Австрийцы, напротив, предпочитают изучать рыночный процесс, ведущий к принципиально недостижимому состоянию равновесия. Обсуждалась даже модель, получившая название общественный *Большой взрыв*, которая при любых исторических условиях допускает неограниченный рост знаний и цивилизации, настолько согласованный и гармоничный (т. е. скоординированный), насколько это в человеческих силах. Вот почему движимый духом предпринимательства процесс координации общественной жизни бесконечен и неисчерпаем. Иными словами, предпринимательская деятельность представляет собой прежде всего создание и передачу новой информации, которая необходимо меняет общее восприятие возможных целей и средств каждым из действующих субъектов в обществе. В свою очередь это изменение ведет к появлению новых

бессчетных рассогласований, представляющих собой новые возможности для предпринимательской прибыли и открывающих предпринимателям простор для открытий и координации. Это динамический бесконечный процесс, обеспечивающий распространение и развитие цивилизации (модель скоординированного общественного *Большого взрыва*) (Huerta de Soto 1992, 78–79).

Таким образом, австрийцы серьезно расходятся с неоклассическими экономистами в вопросе об основной экономической проблеме. Австрийцы изучают динамичный процесс *общественной координации*, в ходе которого индивиды постоянно и предприимчиво порождают новую информацию (в силу чего она никогда не бывает «данной»), поскольку пребывают в поиске целей и средств, представляющих для них существенными в контексте каждого действия, которым они поглощены, и в результате неумышленно запускают стихийный процесс координации. Поэтому для австрийцев основная экономическая проблема не сводится к технике или технологии, тогда как неоклассические теоретики обычно понимают дело именно так, ибо предполагают, что цели и средства «даны», а потому экономическая проблема сводится к технической проблеме оптимизации. Иными словами, с точки зрения австрийской школы, важнейшая экономическая проблема – это не максимизация известной, объективной функции с известными ограничениями, а проблема, строго экономическая по своей природе: *она возникает*

при наличии множества конкурирующих между собой целей и средств, когда знание о них не является чем-то данным, а напротив, рассредоточено между бесчисленным числом людей, постоянно создающих его ex novo¹, так что в результате никто не в состоянии знать все существующие возможности и альтернативы, а равно и то, в какой степени каждая из них желательна.

Кроме того, необходимо понимать, что даже те действия, которые кажутся направленными исключительно на максимизацию или оптимизацию, неизбежно содержат компонент предпринимательства, так как действующий субъект сначала должен осознать, что в его обстоятельствах наиболее выгоден именно такой образ действий – роботоподобный, механический и реагирующий. Иными словами, *неоклассический подход – это всего лишь относительно неважный частный случай более общей австрийской модели, гораздо более содержательной, имеющей более общий характер и намного лучше объясняющей реальное общество.* Более того, австрийские теоретики, в отличие от неоклассических, не видят смысла в жестком разделении микро– и макроэкономики. Напротив, экономические проблемы следует изучать как взаимосвязанные вопросы, без разделения на микро– и макроаспекты. Радикальное разделение экономической теории на «микро» и «макро» – один из наиболее типичных примеров неадекватности современных вводных учебников и по-

¹ Заново (лат.). – Прим. перев.

событий по политической экономии, которые, в отличие от Мизеса и других экономистов австрийской школы, не предлагают единого истолкования экономических проблем, а неизменно представляют экономическую науку разделенной на две отдельные дисциплины (микро- и макроэкономическую теорию), никак между собой не связанные, а потому могущие изучаться и на деле изучающиеся по отдельности. Как указывает Мизес, это разделение вытекает из использования концепций, игнорирующих (подобно понятию *общего уровня цен*) применение субъективной маржиналистской теории ценности к деньгам и сохраняющих укорененность в донаучном этапе экономической науки, когда теоретики еще пытались вести анализ в терминах обобщенных классов или агрегированных совокупностей, а не в терминах приращений или предельных единиц. В результате появилась злополучная «дисциплина», занимающаяся анализом мнимых механических взаимосвязей между макроэкономическими агрегированными показателями, связь которых с человеческой деятельностью установить очень трудно, если вообще возможно (Мизес 2005).

Как бы то ни было, неоклассические экономисты выбрали в качестве фокальной точки своих исследований модель равновесия. Эта модель предполагает, что вся информация задана (в определенных или вероятностных терминах), а переменные полностью согласованы между собой. С точки зрения австрийцев, главный недостаток неоклассической мето-

дологии заключается в том, что предположение о полной согласованности легко может привести к ошибочным выводам о причинно-следственных связях между различными экономическими концепциями и явлениями. В результате, утверждают австрийцы, *равновесие выступает в роли своего рода завесы, мешающей теоретику обнаружить истинное направление причинно-следственных отношений, отраженных в экономических законах*. Неоклассические экономисты видят не столько однонаправленные закономерности, или законы тенденции (laws of tendency), сколько взаимные (круговые) функциональные соотношения причин и следствий между различными явлениями, изначальное происхождение которых (человеческая деятельность) остается скрытым или считается несущественным.

1.7. Субъективные издержки (австрийцы) против объективных издержек (неоклассики)

Другим существенным элементом австрийской методологии является чисто субъективная концепция издержек. Многие авторы полагают, что эту идею можно без особых усилий включить в господствующую неоклассическую парадигму. Тем не менее неоклассические теоретики только риторически включают в свои модели субъективную концепцию издержек, но при всех разговорах о важности «альтернативных издержек» всегда представляют их в объективизированном виде. Для австрийцев *издержки – это субъективная ценность тех целей, которыми действующий субъект жертвует, когда делает выбор в пользу определенного образа действий*. Иными словами, объективных издержек не существует, а каждый действующий субъект должен использовать свою предпринимательскую бдительность, чтобы непрерывно выявлять издержки в каждом наборе обстоятельств. В самом деле, человеку случается проходить мимо многих альтернативных возможностей, которые радикально изменили бы его *субъективное представление об издержках*, если б ему удалось обнаружить их благодаря своим предпринимательским качествам. Поэтому не существует объективных

издержек, которые бы определяли ценность целей, а верно прямо противоположное: издержки, являясь субъективными ценностями, отражают субъективную ценность (и определяются ею), которую человек присваивает своим целям (конечным потребительским благам). Поэтому экономисты австрийской школы полагают, что именно цены конечных потребительских благ, будучи рыночным выражением субъективных оценок, определяют издержки, на которые готов пойти человек для производства подобных благ, а не наоборот, как столь часто утверждают неоклассические экономисты в своих моделях.

1.8. Вербальные формулировки австрийцев против математических формулировок неоклассиков

Австрийцы и неоклассики расходятся в вопросе об использовании математических формулировок в экономическом анализе. С самого начала основатель австрийской школы Карл Менгер предусмотрительно отметил преимущество словесного языка, способного передать сущность (*das Wesen*) экономических явлений, на что математический язык неспособен. В 1884 г. Менгер поинтересовался в письме к Вальрасу: «Каким образом с помощью математических методов можно получить знание сущности, например сущности ценности, земельной ренты, предпринимательской прибыли, разделения труда, биметаллизма и пр.?» (Walras 1965, 2:3). Математический язык чрезвычайно удобен для выражения состояний равновесия, изучаемых неоклассическими экономистами, но не позволяет передать субъективность времени и предпринимательского творчества, которые являются существенными чертами аналитических рассуждений австрийской традиции. Пожалуй, лучше всего выразил неадекватность математического подхода к экономической науке Ганс Майер: «В сущности, в сердцевине математических теорий равновесия наличествует неотъ-

емлемая, более или менее замаскированная фикция, заключающаяся в том, что они соединяют в системе уравнений (по определению одновременных) неодновременные величины, действующие в генетико-причинных последовательностях, так, как если бы все они существовали одновременно. “Статический” подход синхронизирует состояние дел, тогда как в реальности мы имеем дело с процессом. Но порождающий процесс невозможно рассматривать “статически”, как состояние покоя, не лишив его именно того, что делает его тем, чем он является» (Mayer 1994, 92).

По указанным выше причинам члены австрийской школы полагают, что многие теории и выводы неоклассиков в области анализа производства и потребления лишены экономического смысла. Примером может служить «закон равенства взвешенных по цене предельных полезностей», покоящийся на очень шатких теоретических основаниях. По сути дела, он предполагает, что человек способен *одновременно* оценивать полезность всех имеющихся в его распоряжении благ, и при этом игнорируется тот факт, что каждое его действие представляет собой *последовательный* и творческий процесс и блага оцениваются не одновременно путем уравнивания их предполагаемых предельных полезностей, а одно за другим, в контексте разных этапов и действий, для каждого из которых соответствующая предельная полезность может быть не только иной, но и несопоставимой (Mayer 1994, 81–83). Короче говоря, *австрийцы считают, что использо-*

вание математики в экономической науке не имеет смысла, так как этот метод синхронизирует величины, разнородные с позиций времени и предпринимательского творчества. По той же причине австрийцы считают бессмысленными используемые неоклассическими экономистами аксиоматические критерии рациональности. В самом деле, если человек отдает предпочтение *A* перед *B*, а *B* перед *C*, он вполне может отдать предпочтение *C* перед *A*, при этом не переставая быть «рациональным» или последовательным, если он просто изменил мнение (пусть даже всего на сотую долю секунды, когда думал об этом). С точки зрения австрийских экономистов, обычные неоклассические критерии рациональности смешивают идеи постоянства и последовательности (Мизес 2005, 98—100).

1.9. Связь между теорией и эмпирическим миром: иная концепция «предсказания»

Наконец, австрийская парадигма радикально отличается от неоклассической в вопросе о соотношении между теорией и эмпирическим миром и о том, что значит сделать предсказание. Действительно, для австрийцев тот факт, что научный «наблюдатель» не в состоянии получить субъективную информацию, которую децентрализованным образом постоянно открывают и создают «наблюдаемые» действующие субъекты – предприниматели, являющиеся главной движущей силой социального процесса, служит обоснованием их мнения о теоретической невозможности эмпирической верификации в экономической науке. Австрийцы утверждают, что факторы, делающие социализм теоретически невозможным (они анализируются в главах 5 и 6), – это те самые факторы, которые объясняют, почему в нашей науке неприемлемы *эмпиризм*, анализ издержек и выгод и утилитаризм в его буквальном понимании. Более того, не имеет значения, кто именно тщетно пытается получить жизненно важную практическую информацию – ученый для подтверждения своих теорий или политический лидер для координации с помощью приказов. Будь подобная информация доступна, ее

можно было бы в равной мере использовать для обеих целей: как для переустройства общества с помощью принуждения (типичное для социализма и интервенционизма социальная инженерия), так и для эмпирического подтверждения экономических теорий. С позиций австрийской экономической теории социалистический, позитивистский или строго утилитаристский идеалы недостижимы по следующим причинам: *во-первых*, из-за огромных объемов информации; *во-вторых*, из-за природы ключевой информации (разрозненной, субъективной и неявной); *в-третьих*, из-за динамизма предпринимательского процесса (невозможно передать информацию, которую предприниматели еще не создали в процессе постоянного, новаторского созидания); и, *в-четвертых*, из-за воздействия принуждения или научного «наблюдения» (которые искажают процесс предпринимательского порождения информации, препятствуют ему или просто делают его невозможным).

Те же самые аргументы, которые ниже будут проанализированы подробнее в связи с историей дискуссии о невозможности экономического расчета при социализме, могут быть использованы для обоснования идеи австрийцев о том, что в экономике теоретически невозможны *точные предсказания* (т. е. с точным указанием места, времени и имеющие конкретную, эмпирическую природу). Наука не может ничего знать о завтрашних событиях, потому что они зависят главным образом от знаний и информации, которые пред-

принимательски еще не порождены, а потому и узнать их еще невозможно. В экономике возможны в лучшем случае общие прогнозы тенденций, которые Хайек называет *структурными предсказаниями* (pattern predictions). Такие предсказания носят исключительно качественный и теоретический характер и могут относиться, самое большее, к возникновению рассогласованности в общественной жизни вследствие институционального принуждения (интервенционизм и социализм) в отношении рынка.

Кроме того, следует помнить, что во внешнем мире нет непосредственно наблюдаемых, объективных событий. В соответствии с субъективистским подходом австрийской школы в экономической науке объекты исследования – это просто *идеи* людей о том, что они делают и к чему стремятся. Такие идеи недоступны для непосредственного наблюдения, а могут быть выведены на основе интерпретации исторических событий. Для истолкования социальной действительности, представляющей собой историю, для начала нужно иметь теорию, а еще необходимо ненаучное суждение о значимости (*Verstehen*, или понимание). Это суждение не является объективным и у разных историков может быть различным, что делает историю подлинным искусством.

Наконец, австрийцы исходят из того, что эмпирические явления подвержены постоянным изменениям, вследствие чего в социальных событиях нет ни констант, ни параметров, а только «переменные», так что традиционная цель эконо-

нометрики и любой версии позитивистской методологической программы (от самого наивного верификационизма до наиболее изощренного попперовского фальсификационизма) достижима с большим трудом, если вообще достижима. В отличие от неоклассиков, вдохновляемых позитивистским идеалом, экономисты австрийской школы стремятся развивать свою дисциплину в духе априоризма и дедуктивности. Сюда входит весь арсенал логическо-дедуктивных умозаключений, основанных на самоочевидном знании (аксиомы, подобные самой субъективной концепции человеческой деятельности, основные элементы которых являются плодом либо интроспекции и личного опыта ученого, либо считаются самоочевидными, потому что их невозможно оспорить, не вступая в противоречие с самим собой) (Норре 1995; Caldwell 1994, 117–138). Согласно австрийцам, без этого теоретического арсенала ни попытки дать последовательное и адекватное истолкование массы сложных исторических явлений, образующих социум и на первый взгляд кажущихся бессвязными, ни описание истории прошлого или разработка видов на будущее (миссия предпринимателя) не могут рассчитывать даже на минимальный успех. Отсюда идут та значимость, которую австрийцы в целом придают исторической науке, и их попытки не допустить ее смешения с экономической теорией и установить корректное соотношение между этими дисциплинами (Mises 1957; Мизес 2007).

Для обозначения неоправданного применения методоло-

гии естественных наук в области общественных наук Хайек использует термин «сциентизм» (Хайек 2003). В мире природы существуют константы и функциональные связи, допускающие применение математического языка и проведение количественных лабораторных экспериментов. Но в экономической теории – в отличие от физики, инженерного дела и естественных наук – австрийцы не видят функциональных зависимостей (и, следовательно, никаких функций спроса, предложения, издержек или любых других). Напомним, что в математике, согласно теории множеств, функция – это просто взаимно однозначное соответствие между элементами двух множеств, «исходным множеством» и «множеством образов». Учитывая врожденную творческую способность людей постоянно порождать и открывать в каждом предложенном наборе обстоятельств новую информацию относительно целей, к которым стремятся, и средств, которые считают возможным использовать для достижения целей, то становится очевидным, что в экономической науке отсутствуют все три элемента, необходимые для возникновения функциональных зависимостей: а) элементы исходного множества непостоянны и не заданы; б) элементы множества образов непостоянны и не заданы; и самое главное, в) *соотношение между элементами двух множеств не задано и к тому же постоянно меняется благодаря деятельности и творческим способностям людей*. Поэтому австрийцы утверждают, что в экономической науке использование

функций требует *допущения о неизменности* информации, что полностью устраняет главного героя каждого социального процесса – человека, наделенного врожденной предпринимательской способностью к творчеству. Великая заслуга экономистов австрийской школы состоит в том, что они продемонстрировали, что путем чисто логических рассуждений можно разработать всеобъемлющую экономическую теорию, включающую концепции времени и творчества (*праксиологию*), и обойтись при этом без функций и допущений о постоянстве, которые не сочетаются с творческой природой людей, являющихся единственными подлинными главными героями социальных процессов и объектом экономических исследований.

Даже самым видным неоклассическим экономистам пришлось признать существование важных экономических законов (подобных теории эволюции и естественного отбора), которые не допускают эмпирической верификации (Rosen 1997). Австрийские теоретики особенно подчеркивали, что эмпирические исследования не способны стимулировать развитие экономической теории. В лучшем случае эмпирические исследования способны предоставить исторически обусловленную информацию об определенных результатах реальных социальных процессов, но они не могут дать информации об их формальной структуре, знание о которой и является предметом исследований в области экономической теории. Иными словами, статистические и эмпирические ис-

следования не могут дать теоретического знания. (Вера в обратное, как мы увидим, есть именно та ошибка, которую совершили представители немецкой исторической школы в XIX в., а сегодня повторяют экономисты неоклассической школы.) Кроме того, как показал в своей нобелевской речи Хайек, зачастую агрегированные показатели, которые могут быть измерены с помощью статистических методов, не имеют теоретического значения, и наоборот – многие концепции первостепенной теоретической важности не допускают измерения или эмпирического применения (Hayek 1989).

1.10. Заключение

Главные критические замечания австрийских экономистов в адрес неоклассиков, одновременно проливающие свет на основные отличительные черты австрийского подхода, таковы: *во-первых*, неоклассики сосредоточены исключительно на состояниях равновесия, которые исследуются с помощью моделей максимизации, предполагающих, что требующаяся агентам информация о целевых функциях и их ограничениях «дана»; *во-вторых*, неоклассики зачастую произвольно выбирают переменные и параметры для целевых функций и ограничений, причем они склонны включать наиболее очевидные аспекты, игнорируя другие, хоть и имеющие крайне важное значение, но эмпирически оперировать которыми затруднительно (моральные ценности, привычки и традиции, институты и пр.); *в-третьих*, внимание неоклассиков сосредоточено на моделях равновесия, в которых реальные причинно-следственные связи оказываются скрытыми за математическими формулировками; и, *в-четвертых*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.